

ПЕРЕМЕНЫ, ЭКСПЕРИМЕНТ ИДЕИ...

Монолог кинозвезды
Людмилы Гурченко

Уж слишком
это время
не похоже
на прежние
времена.
Перемены,
эксперименты,
замыслы,
идеи, идеи...

ПАРАДОКС АКТЕРА

НО ВОТ парадокс. Актер — наиболее отзывчивая на самого разного рода новшества, повороты, идеи профессия, и только у нас — в цеху профессиональных киноактеров — нет идеи, и «лучше бы вообще ничего не менять». Еще ни одна самая светлая голова не нашла идеи, которая дала бы киноактеру работу. Не каждый киноактер может и должен работать в театре и на эстраде... Ему не нужно иметь мощный голос, крупные черты лица, высокий рост, как в театре. На пленке появляется нечто третье, необъяснимое, чего у актера нет в жизни. Это загадка. Это особая изюминка «звезд».

И вот молодой артист, выйдя из стен института, за редким исключением очень скоро становится дипломированным балластом. Профессия есть, а работы нет. А чтобы не роптал, чтобы в королевстве было спокойно, ставят артиста кино на простоящее пособие, а там уж сам кувиркайся. Она, эта безработица годами, ударила по психологии настолько губительно, что обернулась потерей веры в себя, в людей, в обещания, в постановления, в лозунги...

Но жить надо! И актер поневоле прибегает к особым перевоплощениям: терпеливому, загадочному молчанию — «золотой середине», всеми уважаемой; умению с улыбкой идти по пути, который укажут. Или оттачивает актерский темперамент на профсоюзно-партийной работе.

А разве интерес к жизни, бодрый тонус и праздник души не компенсируют здоровья? Кто же их излучает? Актер. Опять парадокс... По себе знаю, что каждая роль кажется последней, а завтра — туман, темнота. Потому я ни разу не принимала участия в дискуссии, которая годами то вспыхивала, то уходила в песок, оставляя вопросы без ответов, — так называемая «актерская проблема».

Замаскировав «проблему» нарядным платьем, образовав на лице улыбку, идем на кинофестиваль. На этот раз он обещает быть новым. Сколько народу приехало, знаменитого и авторитетного! Председатель жюри актер! Такого еще не было. Не посадили в президиум пятьдесят наших «звезд», которых никто, кроме наших зрителей, не знает. А на мировом киносмотре наши зрители в первую очередь хотят видеть «звезд» зарубежных. Это и понятно. Спасибо, что избавили нас от этой неловкости. По-прежнему, правда, у нас появляются по 24 новые «звезды», а у бедных французов все те же Делон, Бельмондо, Жирардо... Но вот заработал вечерами экспериментальный клуб ПРОК. Все гости, с кем я общалась, идею ПРОКА ставили на первое место.

— Скажите, а бывает так, что для вас нет роли?

— Если роль мне неинтересна, я не снимаюсь.

— А что вы делаете в это время?

— Играю в шсу, в спектакле или отдыхаю у себя на вилле. Мой

продюсер подыскивает сценарий, режиссера.

За рубежом на вопросы в свой адрес я научилась отвечать таким эзоповским языком, и при этом почти без вранья, что... О мое самое первое интервью!

— Как вы живете?

— Спасибо, хорошо.

— Нет, в каких условиях, как, где?

Такой прямой вопрос тогда мне показался бестактным. У нас таких вопросов зарубежным актерам не зададут.

— У меня прекрасные две...

— Две виллы? О!

— Да... такие... своеобразные...

— А сколько вы получаете?

— Ровно столько, чтобы хорошо жить.

— А что значит, по-вашему, «хорошо»?

— Так, как я живу.

— Гм... Скажите, у вас есть цензура?

— У нас обязательно есть редактор фильма.

КАФЕ НА КРОПОТКИНСКОЙ

ЭТО Я ВСЕ к тому, что в один из дней фестиваля раздался звонок:

— С вами хотел бы встретиться американский режиссер, президент киноакадемии «Оскар» Роберт Уайз с супругой. Они хотят пригласить вас на обед или на чай.

— Они же гости. Их надо приглашать.

— Ну пригласите, если...

— Есть куда? Ну, в общем, есть. На чай.

— Сейчас переговорю... Да, завтра мы у вас в четыре часа.

На следующий день ровно в четыре часа в дверях появились приятная темноволосая женщина с мужем — знаменитым Робертом Уайзом. Его «Вестсайдская история» прошла с феерическим успехом по всему миру. А через десять лет появилась и на наших экранах. Роберт Уайз — пожилой элегантный дяденька с добрыми голубыми глазами. Его жена была впервые в квартире советской актрисы, а Роберт Уайз в начале семидесятых приезжал в Москву со своим фильмом. Провели время прекрасно. И пели, и слушали музыку, и стол был, как они сказали, «делишиз», что значит «вкусный». И переводчик заметил, что несколько часов пролетели незаметно. По-русски гости знали три слова: «хорошо», «гласность», «талон».

При слове «талон», который фестиваль раздавал гостям на еду, по их лицам пробегала тень.

— А теперь мы вас приглашаем завтра на обед. Куда вы предлагаете?

Куда? Раньше я бы сказала: в «Арагви». Но как назло, а может быть, и к счастью, мы с мужем за неделю до этого были в «Арагви» — решили разнообразить привычный пресный стол чем-нибудь острым. На «Арагви» новая вывеска — «Ресторан высшего разряда». Но стены те же. На них сохранились наивные рисунки, где и аэроплану, и бурдюку вина, и барашкам, и красивым девушкам, и пионерам —

всему есть место. И по-прежнему тепло светят бра-рожки. Только есть ничего нельзя. А от одного вида официанта не хочется жить. Не то что верить в скорые перемены. У каждого ресторана со славным прошлым есть традиции. Но чтобы в «Арагви» черствый хлеб и неподжаренный сулугуни... Возмущаться бесполезно. Молча вышли из подвала на улицу Горького. Где же вы, перемены?

На следующий день переводчик позвонил и сказал, что, если мы не возражаем, встретимся в кафе на Кропоткинской в восемь вечера.

Кафе на Кропоткинской.

Высокий человек приятной наружности встретил нас и провел в небольшой зал в коричневых мягких тонах. Тихо играет музыкальное трио. Тут же подошла милая девушка без атрибутов, которые непременно отличают человека ее профессии, и даже без блокнота. Сказала, что рада встретить актрису, которую видела в кино, и лукаво шепнула, что на кухне постараются исполнить что-нибудь в «новогоднем» стиле, а салат, который потом принесла, назвала «вокзал для двоих». Оригинально и, ей-богу, приятно. А потом на прекрасном английском языке обратилась к гостям. Тут уже пришла очередь удивляться им. Да и нам тоже. Ни в одном ресторане мира к нам еще не обращались по-русски. Пока. Но ведь отсчет только начинается...

Вчерашний чай перешел в сегодняшний ужин. Музыканты играли все: от самого-самого «нашего» до самого-самого «ихнего». Роберт Уайз, как человек, для которого музыка — дело родное, оглядываясь на музыкантов, отмечал уровень, а его жена подпевала им и меня увлекла спеть с ними.

— У нас несколько тысяч безработных актеров. Очень трудно пробиться. Большая конкуренция. Актеры работают шоферами, официантами, зарабатывают себе на уроки танцев, на актерские курсы. Очень большая конкуренция. Но талант ценится высоко. Если у вас платят, когда не работают, это же хорошо. У нас такого нет. В общем, это драма и у нас тоже.

Мы расписались в книге отзывов и уже собирались уходить, как вдруг из-за столика рядом поднялся молодой человек невысокого роста, сел к роялю и заиграл популярную мелодию-шлягер из фильма «Вестсайдская история». Вероятно, он услышал имя Роберта Уайза. Американский режиссер и его жена растерянно посмотрели друг на друга и улыбнулись. Эту улыбку, это счастье могут понять все творческие люди, все, кто в жизни что-то создал и увидел: то, что он создал, — это для всех! Это была кульминация особого рода. И то, что сказал Роберт Уайз, прощаясь, я верю, было правдой: «Этот день мы не забудем».

«АЛЛО, МЫ ИЩЕМ ТАЛАНТЫ»

...А МОЖЕТ, не надо брать на актерский курс 15 человек? Из них

снимаются максимум двое-трое. Может, брать на курс трех-четырех, но таких, которые бы могли все! И чтобы с ними рядом были учителя, но с утра до вечера рядом с учениками, жили бы их жизнью, муштровали, шлифовали и оттачивали их талант? Когда смотрим фигурное катание, мы наперечет знаем учеников Чайковской, Тарасовой. Они выпускают в мир «штучный» товар. Такую мысль я высказала пять лет назад на четвертом съезде кинематографистов СССР. Больше на трибуне я не была.

Сегодня, в атмосфере гласности, нет нужды прибегать к иносказательному языку. Я так понимаю, что смысл сегодняшнего изменяющегося времени в том, что можно быть тем, что ты есть, и сказать то, что ты думаешь. Терять мне нечего. Все в жизни сделала своей душой, своим горбом и здоровьем. Когда после фильма «Аплодисменты» я слезла в больницу и у меня была возможность проследить свою безумную навстречивающую жизнь за последние десять лет, я реально поняла, что у меня нет ни денег, ни здоровья.

Талант... Но ведь нет того конкретного человека, который был бы кровно заинтересован в том, чтобы талант, дающий рубли и валюту государству, оберегал и поддерживать. Выбил талант как-то самостоятельно и стал давать прибыль — хорошо. Но вдруг ситуация изменилась, и понадобились локти. А у таланта — крылья, локти он себе не натранировал. Э-э, перестал давать прибыль, милый, не поминай лихом, другой найдется. Но разве таланты бывают лишними? Они и убывали. А потом: «Алло, мы ищем таланты!»

Киноактеру невозможно быть ничейным. Хозяин, где ты? Талант предприимчивый, творческий, деловой, смелый. Он распирает, мучает такого человека, как ролью мучается актер. Одних этот редкий талант повел далеко за пределы страны, других привел на скамью подсудимых. Сейчас ощущается нехватка в таких расторопных и умелых. Но быть директором, администратором, актерским агентом за сто рублей в месяц невозможно. «Почему невозможно? Я тоже получаю сто рублей. Чем он лучше меня? Мы все равны». Это не так. Если вы талантливый, смелый, творческий человек, вы не должны, не имеете права быть равным. Все равные так ровно и стоят. Если бы не было вас, творческого и смелого, мы бы не сдвинулись с места. Ведь перестройка, согласитесь, сформировалась не на пустом месте. Она выстрадалась закономерно, чтобы мы двинулись вперед. Только прилетела к нам чуть поздневатого. Но ведь прилетела!

Недавно на пресс-конференции во Франции я отвечала на вопросы и чувствовала, что у меня голова светлая и ясная, а лицо спокойное и доброе.

— Скажите, у вас есть цензура?

— Сейчас все, что подвергалось запрету, вышло на экран.

— Вы хотели бы жить лучше?

— Хотела бы. У нас все этого хотят.

Фото Бориса КАУФМАНА.

